

Я вошёл в покои, чтобы прислуживать!

Все эти дни, что Те Хэнцю провёл на Пике Ста Чжанов, его взгляд то и дело притягивался к резному деревянному окну Павильона, где слушают снег. Он был похож на изголодавшуюся дикую собаку, что неотрывно смотрит на вьющийся над очагом дымок.

В оконном проёме изредка мелькали тени, но чаще всего это были лишь мимолётные силуэты. И каждый раз, когда это происходило, он, наоборот, не осмеливался поднять глаза.

Окно было не так уж далеко, но его заслоняли ветви цветущей красной сливы, так что нельзя было разглядеть даже края одежды.

Он прекрасно знал, что Юэ Бочжи — человек холодный и уединённый, не терпящий, когда его беспокоят. Чтобы постучать в эту дверь, нужен был предлог.

И этот предлог он нашёл очень скоро.

С полупустым бамбуковым коробом в руках он направился к Павильону, где слушают снег, и, немного помедлив у входа, наконец, трижды тихо постучал.

Внутри на мгновение воцарилась тишина, а затем раздался холодный ответ:

— Войдите.

Переступив порог, он не смел поднять головы, его взгляд был прикован к плитам пола.

Каждая из них была вырезана из нефритовой сердцевины, добытой со дна Омута Девяти небес. Плиты были прозрачными, и ступать по ним было всё равно что идти по россыпи звёздной пыли.

Такая нефритовая сердцевина нарастала на дюйм за многие годы. Чтобы вымостить ею весь павильон, требовалось несметное количество драгоценных материалов. Обычные совершенствующиеся не посмели бы и наступить на такой пол, не говоря уже о том, чтобы использовать этот материал для целого здания.

Те Хэнцю вспомнил, что и у него когда-то был подобный кусок нефрита.

Это случилось, когда он ещё был учеником внешней ступени. Вместе со старшими братьями он отправился к Омуту Холодного Нефрита, чтобы сразиться с демоном, но там они столкнулись с

разъярённым драконом-цзяо. Многие из учеников погибли или были ранены. Он был там лишь для массовки и должен был прятаться позади всех, но по иронии судьбы его смело в омут ударом драконьего хвоста.

Барахтаясь в ледяной воде, он вдруг нащупал что-то тёплое и гладкое. Нефритовая сердцевина, пролежавшая на дне омута бесчисленные годы, сейчас излучала странное тепло, обжигая его ладонь, словно огненный шар.

Это был первый раз за многие годы, когда он по-настоящему прикоснулся к легендарному небесному сокровищу.

Врождённая жадность взяла верх. Он, словно крюком, вцепился в нефрит и, захлёбываясь ледяной водой, не разжимал пальцев.

Когда он вынырнул на поверхность, его лицо было мертвенно-бледным, а губы — синими, но он всё ещё мёртвой хваткой сжимал своё первое в жизни сокровище.

Старший ученик, ответственный за них, хотел было помочь ему, но он инстинктивно отпрянул, и в его обычно покорных глазах вспыхнул хищный блеск волчонка, защищающего свою добычу. Годы выживания среди учеников внешней ступени в этот миг рассыпались в прах, обнажив его истинную, алчную и настороженную натуру.

Вспоминая об этом сейчас, Те Хэнцю чувствовал укол сожаления.

К счастью, тот старший ученик был редким добряком в мире совершенствующихся. Он лишь усмехнулся и вложил мокрый нефрит обратно в его дрожащую руку: «Держи крепко и не показывай никому. Ученик внешней ступени не сможет уберечь такое сокровище».

Взгляд старшего брата на мгновение задержался на его промокшей одежде: «Такие вещи... ты пока не заслужил».

«Не заслужил?»

Эти слова ударили Те Хэнцю, как пощёчина.

Вернувшись в школу, он остался всё тем же молчаливым, бедно одетым учеником внешней ступени. Лишь глубокой ночью звуки его тренировок с мечом становились всё тяжелее.

Каждый приём искусства меча зимней сливы он выполнял с предельной силой, до тех пор, пока его руки не покрывались кровавыми мозолями, но он не чувствовал усталости.

Он научился прятать своё желание ещё глубже, а свою одержимость — оттачивать ещё острее.

Словно тот кусок нефрита со дна омота — с виду гладкий и тёплый, но внутри уже раскалённый от жадности.

Сейчас это сокровище всё ещё лежало в глубине его сумки из семени горчицы, завернутое в несколько слоёв парчи. Он даже смотреть на него лишний раз не решался.

И вот теперь он смотрел на нефритовые плиты под ногами Юэ Бочжи, каждая из которых была в несколько раз больше той, что он добыл с таким трудом.

А Юэ-цзунь так небрежно ступал по ним в своих сапогах с вышитыми облаками, словно это были обычные камни.

Пока его мысли были в смятении, он услышал вопрос Юэ Бочжи: «В чём дело?»

Те Хэнцю, всё ещё не поднимая головы, поднял короб над головой: «Докладываю Юэ-цзуню, ученик обрезал боковые ветви духовной сливы. Эта столетняя духовная слива — большая редкость. Раз уж вы так любите эти деревья, ученик осмелится предложить привить эти ветви на дикие сливы на Пике Ста Чжанов. Возможно, тогда вся гора покроется духовными сливами, и вы сможете любоваться ими».

«Разве такое духовное растение можно привить?» — тихо спросил Юэ Бочжи.

Те Хэнцю, опустив глаза, ответил: «Ученик может попробовать».

Юэ Бочжи слегка улыбнулся: «Не нужно».

Те Хэнцю попытался настоять: «Юэ-цзунь, эта духовная слива — редкость. Если удастся вырастить целую рощу, это не только увеличит духовную энергию на Пике Ста Чжанов, но и придаст ему изысканности. Ученик готов приложить все усилия и не подведёт вас».

Юэ Бочжи молчал.

Но Те Хэнцю чувствовал, что тот не был недоволен.

В воздухе не было никакого давления, наоборот, ощущалась некая лёгкость, словно весенний ветерок коснулся его сердца.

Эта лёгкость немного успокоила его, и он, как осторожный кролик, медленно поднял голову. Его взгляд скользнул с сапог Юэ Бочжи вверх и остановился на его пальцах, лежавших на лечебной подушке.

Кончики пальцев Юэ Бочжи легонько поглаживали узор плывущих облаков на подушке, словно что-то рисовали.

Те Хэнцю решил, что Юэ Бочжи просто боится, что он зря потратит время, и продолжил: «Юэ-цзунь, ученик не может гарантировать стопроцентный успех, но за эти годы я изучил немало способов прививки растений и немного знаю о свойствах духовной сливы. Если вы позволите, я буду действовать очень осторожно и ни в коем случае не повредлю её. Даже если не получится, дикие сливы на пике не пострадают».

Юэ Бочжи постучал пальцами: «Духовная слива высшего класса, конечно, редкость, но в последнее время я нахожу, что и в дикой горной сливе есть своя прелесть».

Те Хэнцю удивился. «Так вот в чём причина?»

Он украдкой поднял глаза и увидел, что Юэ Бочжи, оперевшись на подушку, полуприкрыл веки, и его взгляд, казалось, скользил по его, Те Хэнцю, плечу.

Тот поспешно опустил голову, чувствуя разочарование.

Он думал, что разгадал предпочтения Юэ Бочжи, но ошибся. Его попытка угодить провалилась, и теперь придётся искать другой способ приблизиться к нему.

Те Хэнцю уже собирался уходить, когда услышал голос Юэ Бочжи: «Подойди».

Его сердце подпрыгнуло от смеси удивления, радости и тревоги. Он осторожно подошёл ближе.

Те Хэнцю, опустив голову, смотрел на плиты у своих ног. Он не смел взглянуть на Юэ Бочжи, и его взгляд случайно упал на стол, где лежало несколько спелых стручков лотоса.

Он тут же всё понял: «Ученик сейчас же почистит для вас семена».

Те Хэнцю взял стручок и осторожно, большим и указательным пальцами, разломил его. Семена посыпались в позолоченную чашу, стоявшую рядом. Он проделывал это бесчисленное количество раз, но сегодня всё было по-другому.

Семена в чаше постепенно образовали небольшую горку.

«Сядь», — внезапно прозвучал голос Юэ Бочжи.

Те Хэнцю вздрогнул и только тогда понял, что всё это время стоял.

Он поднял голову и увидел, что перед столом неизвестно когда появился стул.

«Это он для меня стул принёс?» — сердце Те Хэнцю радостно забилося.

«Юэ Бочжи принёс мне стул...»

Эта мысль окрылила его, но он не смел показать своей радости.

Изображая из себя послушного ученика, он смущённо подошёл к стулу и осторожно сел, сохраняя почтительную осанку.

Юэ Бочжи поднял чашку с чаем, его взгляд скользнул по слегка дрожащим пальцам Те Хэнцю: «Руки сильно дрожат. Устал?»

«...Не устал, а наслаждаюсь», — подумал Те Хэнцю.

«Ученик не устал», — тихо ответил он.

Юэ Бочжи ничего не сказал, лишь постучал пальцами по чашке и поставил её обратно на стол.

Те Хэнцю увидел, что чашка Юэ Бочжи пуста, и решил, что это хороший шанс выслужиться. Он подошёл к печи, взял древний железный чайник с золотой водой и налил в чашку.

Юэ Бочжи молчал.

Те Хэнцю поставил чайник обратно на печь и вдруг вспомнил, что заваривать чай должен был Тан Сюэ.

Он оглядел комнату и тихо спросил: «Почему не видно старших братьев Тан Сюэ и Мин Чуня?»

Юэ Бочжи, равнодушно перевернув страницу, ответил: «Не обращай на них внимания».

Те Хэнцю ещё больше удивился. За всё время, что он провёл на Пике Ста Чжанов, он видел Тан Сюэ и Мин Чуня всего несколько раз и думал, что они прислуживают в покоях. Но слова Юэ Бочжи, казалось, опровергали это.

Он осторожно спросил: «Наверное, старшие братья пользуются большим доверием Юэ-цзуня и отправились выполнять важное поручение?»

Юэ Бочжи слегка приподнял веки, его взгляд на мгновение задержался на лице Те Хэнцю.

Тот тут же опустил глаза и поспешно добавил: «Я хотел сказать... если старших братьев нет, то некому прислуживать? Если Юэ-цзунь не против, ученик готов заваривать чай и подавать воду, служа вам».

Уголки губ Юэ Бочжи слегка приподнялись: «А ты сообразителен».

Услышав это, Те Хэнцю воспринял это как разрешение и просиял: «Тогда ученик останется здесь и будет прислуживать Юэ-цзуню».

«Вот оно! — радостно подумал он. — Шанс даётся тому, кто к нему готов! Посмотрите, как я с помощью небольшой хитрости из чернорабочего превратился в подавальщика чая! Не зря я в последнее время столько романов про служанок прочитал!»

С того дня Те Хэнцю, закончив ухаживать за цветами сливы, приходил в Павильон, где слушают снег.

Он был уверен, что Мин Чунь и Тан Сюэ уехали по делам.

И он в одиночку выполнял и работу по уборке, и по завариванию чая. «Хе-хе, — думал он, — простите, Мин Чунь и Тан Сюэ, но когда вы вернётесь, то обнаружите, что остались без работы, хе-хе».

Он тщательно подметал сухие ветки во дворе и до блеска натирал чайную посуду в покоях.

Когда Юэ Бочжи читал, он стоял у окна, делая вид, что разбирает свитки на столе, но краем глаза всегда посматривал на бессмертного.

Иногда Юэ Бочжи играл на цине, и Те Хэнцю делал вид, что поливает цветы под карнизом; если Юэ Бочжи разворачивал свиток, он стоял с подносом за ширмой...

В тот день он задержался в павильоне допоздна, пока лунный свет не залил нефритовые плиты.

Юэ Бочжи, укутавшись в плащ и оперевшись на лечебную подушку, закрыл глаза и, казалось, спал.

Лунный свет покрывал его лицо тонким слоем инея, придавая ему сияние нефрита, словно он был ночной жемчужиной, манящей к себе.

Те Хэнцю затаил дыхание и на цыпочках подошёл к столу.

Юэ Бочжи вдруг шевельнулся, его ресницы дрогнули.

Те Хэнцю в панике отпрянул, но, увидев, что тот по-прежнему спит, а его дыхание стало ровнее, успокоился.

Стиснув зубы, он всё же не удержался и подошёл ближе.

Дыхание Юэ Бочжи было лёгким, как падающий лист. Те Хэнцю наклонился и жадно окинул взглядом его черты.

Он смотрел на его бледные губы, его кадык дёрнулся, а пальцы почти дрожали от желания прикоснуться.

В этот момент Юэ Бочжи внезапно открыл глаза.

Те Хэнцю в панике, не зная, что делать, быстро наклонился и принялся убирать чайную посуду со стола.

Он не смел поднять глаза, но чувствовал, как напряглась его шея, словно на неё давил тысячефунтовый груз.

Те Хэнцю, опустив голову, чувствовал, как горят его уши.

Он с деланным спокойствием собрал чашки на поднос и, поворачиваясь, чтобы уйти, украдкой взглянул на Юэ Бочжи. Тот легонько поглаживал пальцами узор на подушке.

Те Хэнцю уже собирался уходить, когда услышал голос Юэ Бочжи: «Подожди».

Он тут же остановился и, обернувшись, улыбнулся: «Юэ-цзунь, что-то ещё?»

Юэ Бочжи медленно произнёс: «Ты говорил, что в детстве служил в Усадьбе божественного древа и встречал мою мать?»

Те Хэнцю не ожидал такого вопроса и немного занервничал.

Он помнил, что действительно говорил Юэ Бочжи, что в юности служил в усадьбе и там познакомился с Юэ Лофу, которая помогла ему встать на путь совершенствования и обрести тело вечной жизни.

Хотя он сказал это, чтобы сблизиться с Юэ Бочжи, это не было ложью.

Шутка ли, в таких вещах он не смел обманывать Юэ Бочжи.

Но были и некоторые детали, которые он утаил.

И теперь, когда Юэ Бочжи внезапно спросил об этом, Те Хэнцю забеспокоился, но не смел медлить и почтительно ответил: «Да, Юэ-цзунь, ученик действительно служил в Усадьбе божественного дерева».

Юэ Бочжи тихо усмехнулся: «Какое совпадение».

Сердце Те Хэнцю сжалось ещё сильнее. «Совпадение? Какое совпадение?»

***

<http://bllate.org/book/16975/1587775>